

Закавказья и Украины попытался доказать неизбежность центробежных национальных сил, способствовавших успеху большевистской революции [49].

Вообще в своем отношении к большевизму евразийцы не избежали того соблазна сменевеховства, за который они сами упрекали «смену вех» в 20-х годах. Желание участвовать в политической жизни новой России приводило к тому, что их отношение к большевистскому режиму становилось подчас менее критичным, хотя именно они первые предвидели создание в России тоталитарной сталинской диктатуры («В России нарождается национал-большевизм», — писал Иван Белецкий еще в 1926 г. [50]). Тем не менее в 1929 г. происходит раскол евразийского движения, когда в Париже возникает просоветское крыло евразийства во главе с С. Эфроном и князем Дм. Святополк-Мирским, объединившиеся вокруг журнала «Евразия». Они, кстати сказать, издали три выпуска литературно-художественного альманаха «Версты» (1926—1929 гг.), в котором печатались произведения Цветаевой, Есенина, Пастернака, Ремизова, Бабеля, Артема Веселого, Сельвинского, А. Белого, Тынянова, а также публиковались статьи Бердяева, Шестова, Карсавина, Сувчинского, Трубецкого.

Начиная с 30-х годов, с начала индустриализации, просоветские настроения все более завораживают и другие течения евразийства. Так, А. Пейль пишет в 1933 г. о триумфе централизованной плановой политики, пришедшей на смену хаотичному западному рынку. Для Савицкого индустриализация также означала конец подражания Западу. Создание грандиозной общественно-экономической модели мыслилось им как прообраз того идеократического государства, которое должно, по его мнению, прийти на смену демократии западного типа.

Евразийские семинары в Праге существенно меняют свою ориентацию. Традиционно медиевистская проблематика, формировавшаяся в непосредственной близости к Пражскому лингвистическому кружку и Кондаковскому семинарию (в отличие, скажем, от Парижского семинара, где обсуждались в основном вопросы общенационального характера и проблемы России и Европы, например, цикл лекций Лосского «Национальный вопрос и Россия», циклы докладов Карсавина «Россия и Европа. Смысл революции и будущее России», «Учение о личности и государстве», «Церковь и государство»), уступает место в 30-е годы проблемам социально-экономического возрождения России. Участники его проявляют пристальный интерес к практике индустриального строительства в СССР. Учащаются, становятся более тесными и прямые контакты с новой Россией. Так, на пражских семинарах начинают выступать последователи евразийства из советской России, оставаясь, правда, в конспиративных целях анонимными докладчиками.

Соблазна величия «индустриального чуда» избежал разве что Борис Выше-славцев, работающий в эти годы над одной из лучших своих работ «Кризис индустриальной культуры», где он блестяще и последовательно обосновал концепцию советской индустриализации как порождения западной технократии и авангардистского кубизма [51].

И все же в отличие от сменевеховцев, полагавших себя союзниками большевиков, евразийцы видели себя конкурентами большевизма. Они считали, что преодоление большевизма можно и должно быть достигнуто путем обновляющего процесса, овладения изнутри этой партией, а не путем приспособления к ней. Дело дошло даже до того, что в 1929 г. лидер меньшевиков К. Чхеидзе даже выразил надежду на превращение партии ВКП(б) в партию евразийства [52]. Эти иллюзии при всей их беспочвенности имели, однако, под собой свою логическую основу и питались верой в идеократию (власть идей), возможности и результаты которой продемонстрировали сами же большевики. Савицкий писал, что в XX столетии народы будут управляться не бюрократией, не учреждениями, а идеями и что преодолеть коммунизм можно будет только при помощи другой, более всеобъемлющей идеи [53]. Исходя из анализа судеб западного парламентаризма, определяемого как господство плутократии, евразийцы и строили свою